

МОСКОВСКИЙ ГОРОДОВОЙ

ФУЭТЕ

— Ян, существует мнение, что в балетное училище поступает лишь тот, у кого есть крепкие связи в балетном мире или мощная финансовая поддержка. А как у тебя?

— Что до связей, поддержки со стороны... то в балете все точно так же, как и везде. Кто-то поступает сам, кому-то помогают поступить. Всегда было, есть и будет то, что называется словом “блат”. И всегда будет другое — когда человек добивается всего собственными силами. Правда, не без помощи судьбы. К тому же поступление и даже

Балетный спектакль он впервые увидел по телевизору, еще понятия не имея, что такое классический танец. Удивленно смотрел на стройные фигуры артистов, тихо млел от невесомого танца. “Тебе это нравится?” — поинтересовались родители. “Да”, — твердо ответил он. “Хочешь попробовать?” “Можно и попробовать”, — смело заявил ребенок. И попробовал. Причем успешно. Сегодня Ян ГОДОВСКИЙ — один из самых стильных молодых танцовщиков Большого. Его танец — легкий, графически вычерченный — особенно эффектно смотрится в современной хореографии. А в классике он может предстать и Принцем в “Щелкунчике”, и Шутом в “Лебедином озере”.

ПРЕМЬЕР

БЕЗ АМБИЦИЙ

Пэк. “Сон в летнюю ночь” Джона Ноймайера.

Ян ГОДОВСКИЙ: “Вес танцовщицы не всегда имеет значение”

ское хореографическое училище я год занимался на подготовительных курсах. И мой педагог, а он был грузином, решил: раз я родился в Грузии, то мне надо выйти перед комиссией с грузинским танцем.
— Как начинается твой рабочий день в театре?
— Обычно он начинается с каждодневного класса в десять утра или в одиннадцать, если вечером был спектакль.
— Не надоедает каждый день одно и то же: класс, выматывающий экзерсис у станка?
— Это только со стороны может показаться, что балетный артист выполняет каждый день одни и те же движения. В действительно-

сти один день не похож на другой, поскольку тело предлагает каждый раз что-то новое. И ты каждый день с ним что-то делаешь по-новому, предлагаешь ему что-то новое, отличное от дня вчерашнего.
Но вообще утром, когда просыпаешься, то первая мысль: “Ой, как я устал, как не хочется вставать!” — но минут через двадцать уже ничего, все нормально.
— А как добираться — на метро или на машине?
— Как правило, на метро. По городу на машине ездить тяжело: сплошные пробки, можно опоздать. А в метро — быстро и удобно.
— Звучит не слишком престижно: артист Большого театра ездит на метро...

В балете “Болт” Алексея Ратманского.

— Ну и что? У меня на этот счет нет никаких заворотов — престижно, не престижно; главное, чтобы было удобно.

— А как насчет “Уступайте места инвалидам, лицам пожилого возраста и пассажирам с детьми”?

— Уступаю, хотя иногда сажусь в вагон и засыпаю от усталости. Случалось, остановку свою проезжал, так крепко спал.

— Ты куришь?

— Нет, но вообще артисты балета курят, и, бывает, много курят, но это нормально.

— Нормально?..

— Организм молодой, он все выдерживает. А ведь артист балета уходит на пенсию в 38—40 лет — ведь это еще молодость, так что нормально. Потом, может быть, это и скажется на здоровье, а может быть, и нет.

— А выпить — это тоже нормально?

— Да, иногда даже и нужно. Чтобы расслабиться, успокоиться после спектакля.

— Какие еще строгости предполагает балет?

— Тут все зависит от того, насколько хорошо ты знаешь сам себя. Свои достоинства, недостатки, возможности. И это важно не только для артиста балета, но и для любого человека. Кому-то надо похудеть, кому-то — подкачаться. Одному нужно поработать побольше, другому — наоборот, немного успокоиться, не пахать с утра до вечера, а подумать, что ты делаешь и зачем. Все зависит от внутреннего самоконтроля и дисциплины. Если ты находишься в гармонии с самим собой, то успех тебе обеспечен в любом деле.

— Вот Рудольф Нуреев, когда у него во время спектакля не было танца, начинал гримасничать, подмигивать знакомым в зрительном зале. Ты себе такое позволяешь?

— Бывает, что эти знаки на лице появляются непроизвольно. Раз — и появились, но я с этим пытаюсь бороться. А вообще зрителям интересен не каждый отдельный жест рукой-ногой, а общее впечатление от танца.

— Много ходит всяких разговоров о весе балерин: тяжелая, трудно поднять, легко уронить...
— Я никого еще не ронял.

— Это ты зря. Ой, что-то я не то говорю... И все же, вес балерины — это, наверное, большая проблема для танцовщика?

— Трудно сказать: для кого это большая проблема — для танцовщицы или для ее

партнера. Не всегда вес имеет значение. Бывает, что балерина легкая, хрупкая, а в танце с ней тяжело. А есть танцовщицы вроде и крупные, но собранные, с внутренним стержнем, и с ними, конечно, намного удобнее. Многие зависит и от партнера, от его умения подать балерину, а иногда просто шикарно ее представить.

— Ян, театр, в котором ты служишь, большой-пребольшой (я говорю об историческом здании), есть ли в нем любимые тобой уголки?

— Есть один, крошечный репетиционный зал на четвертом ярусе — мы его называем “курилкой”. Там когда-то была курительная комната, потом ее переоборудовали под репетиционный зал миманса, а теперь мы репетируем. Придешь перед спектаклем — никого нет, вроде и делать ничего не хотел, зашел, чтобы расслабиться, а уже через несколько минут что-то пробуешь, смотришь, репетируешь... А еще, конечно, раздевалка — тоже место удивительное. Столько там проводишь времени, тут можно и отдохнуть перед вечерним спектаклем, полежать, почитать. Хорошее место. А наш театральный буфет? Тоже дивное местечко. Ведь каждый знает, что театр начинается не с вешалки, а с буфета. Тут и чашечку кофе выпьешь, и последние новости узнаешь. После буфета и в класс легче идти.

— А любимое место, как я догадываюсь, — кабинет генерального директора?

— Ты работал с легендарными хореографами современности Роланом Пети, Джоном Ноймайером. Мэтры очень придирчивы?

— Придирчивость — это другое; на мой взгляд, придирчивость — это вредничанье. Они же не придирчивы, а требовательны. И очень хорошо знают что хотят. Они готовы тысячу раз повторить одно и то же движение, чтобы ты понял, что нужно, как нужно. Готовы вновь и вновь объяснять тебе идею танца. И это замечательно.

— Ролану Пети уже немало лет — неужели он может показать движение?

— В полную силу, конечно, он показывать не может, но состояние этого движения, его внутреннюю наполненность может передать потрясающе. И Пети, и Джона Ноймайер невероятно убедительны. А репетировать с ними — это было настоящим счастьем, как и то, что я танцевал в их балетах.

— Большой театр — это не только громкие премьеры, но и громкие скандалы, а порой и драмы. Одни из них разворачивались много лет назад, другие, как история с Анастасией Волоцковой, — сегодня...

— Да, и это драматичная история. Мне жалко Волоцкову, она стала жертвой собственной “раскрутки”. Я не против пиара, но не до такой же степени. Балет — искусство избранных и для избранных, и те приемы, которые помогают поп-звездам, не всегда применимы к балетным артистам. Телевидение, массовые издания, глянцево-журналы — это все замечательно, но можно и не заметить, как вся эта суeta уведет от главного.

— Говорят, в занавесе Большого театра есть дырочка, в которую смотрят перед началом спектакля?

— Да, есть такая дырочка, причем многофункциональная. Режиссер обычно смотрит в нее перед началом спектакля, чтобы узнать, как заполняется зал. Бывает, дают уже третий звонок, а зрители в зал еще не пришли. Артисты высматривают своих знакомых, которых пригласили на спектакль. Но я не пытаюсь искать зрителя в зале. Мне кажется, это не совсем правильно. Если зрителю интересно — он сам будет на тебя смотреть, а если неинтересно — значит, ты зря вышел на сцену.

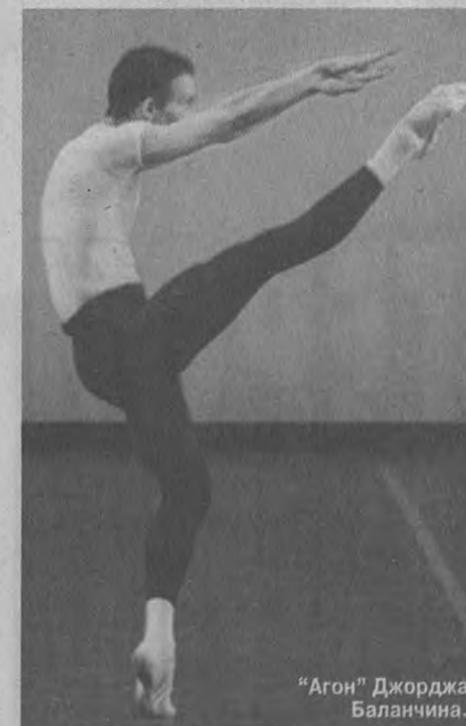
— А страх сцены у тебя был?

— Да, особенно вначале. Внутренняя паника, боязнь огромного сценического пространства. Хотя порой этот страх помогает дойти до финала сложной вариации и не умереть раньше времени, а умереть только в кулисах. Иногда артисты пугаются и делают такое, чего они не делали на репетициях. Страх — это иногда неплохо, он чему-то учит.

— То, что Большой закрыли на реконструкцию, — для тебя это драма?

— Да, поскольку мне кажется, что это долго. Не потому, что кто-то будет что-то плохо делать. А просто... здание старое, и столько может быть всяких неожиданных сюрпризов... И потом, вместе с закрытием на реконструкцию та связующая нить, возможно, придуманная нами, которая существовала между прошлым и настоящим, если и не оборвется, то сильно надорвется. Перевернется страница, и все придется начинать с чистого листа, я так думаю. И это грустно. Хотя, может быть, придет что-то другое, не менее великое.

— Ха-ха-ха! Нет, я спокойно отношусь к директорскому кабинету, наверное, потому что редко там бываю. Захожу, когда есть какие-то проблемы, решаю их или не решаю, и ухожу. Тихо, мирно, без конфликтов и драм.
— Я так понимаю, ты вообще не конфликтный артист?
— Наверное. Мне кажется, всегда и везде надо искать компромисс, надо искать контакты. Компромисс не в том, чтобы угодить кому-то, а в том, чтобы суметь найти максимально органичный и грамотный выход из сложной ситуации.

“Агон” Джорджа Баланчина.